

«Мастерская Фоменко» — не диагноз аутизма

Полина Кутепова считает, что лучше доверять чувствам, чем разуму

Независимая — 2005 — 11 декабр. — с. 13-14.

Елена Кутловская

Лауреат премии «Триумф» 2005 года Полина Кутепова — ученица Петра Фоменко, работает вместе с сокурсниками в театре под руководством учителя. В кино снималась у Георгия Данелии, Николая Досталы, Александра Хвана. У нее есть муж — режиссер Евгений Каменькович, есть дочка Надя, которую Полина Павловна зовет не иначе как Надюха...

Так случилось, что я училась в ГИТИСе (на театроведческом факультете) параллельно с актерско-режиссерским курсом Полины Кутеповой, Гали Тюниной, Вани Поповски. Мы виделись регулярно в буфетах, в библиотеке родной альма-матер; знали все их студенческие работы наизусть, так как регулярно бегали всем ГИТИСом на курсовые спектакли «фоменок». И вот, много лет спустя мы с Полиной сидим в театре, которым руководит Петр На-

— Не надоело. Что же касается штампов — я была бы счастлива иметь их как можно больше. Есть такое выражение: чем больше штампов — тем лучше актер. И чем лучше актер, тем больше штампов.

— А не скучно повторяться?

— Нет. Мне кажется — это так естественно, когда люди, воспитанные одними педагогами, существуют в некой единой логике игры, исполняя те или иные роли. Было бы странно, если бы мы все существовали в разных системах координат. «Мастерская Фоменко» — сложившийся ансамбль, который играет в одну игру. Вопрос в том, хочется ли попробовать играть в другую игру. Хочется.

— Если вы окажетесь за пределами «Мастерской», что будет, сможете ли вы играть с другими партнерами и в другой стилистике?

— Ну, все-таки «Мастерская Фоменко» — это не диагноз аутизма, у нас в театре работают вполне вменяемые актеры, которые много снимаются, играют в других театрах, и у них это неплохо получается.

Во мне постоянно борется романтическая натура с прагматичной злой теткой. В результате остается романтическая злая тетка

умович, и пытаемся говорить о творчестве... Разговор идет с переменным успехом: то легко, то трудно. Полина иногда хохочет, иногда долго молчит, обдумывая вопросы. Отвечает очень честно и ответственно. Еще более ответственно правит собственные слова в интервью. Приходится смириться, ведь каждый имеет право выходить к толпе в том «наряде», который он, и только он, для себя выбрал.

— Вы можете сыграть на сцене то, чего вы никогда не испытываете в жизни?

— Да. Для меня это было открытие. Вдруг оказалось, что сцена дает возможность испытать те чувства, которые ты не испытываешь в жизни. Фантастически, да? Ты погружаешься в условия роли и выходишь на какие-то совершенно новые для тебя ощущения.

— А как вы считаете, то, что актеры в жизни существа необыкновенные, — это легенда?

— Не думаю. Более того, я даже уверена, что среди актеров часто встречаются весьма колоритные натуры.

— Вы себя к ним не причисляете?

— Конечно, я думаю про себя, что я тоже необыкновенная (смеется).

— Еще обыватель считает, что актеры — люди ненормальные, вы согласны?

— Да, все люди ненормальные, норма — понятие относительное.

— Не надоело ли вам столько лет существовать в рамках одного и того же так называемого фоменковского стиля, используя одни и те же приемы игры, наживая штампы?

— Творческий кризис, связанный с невозможностью играть в другую игру, испытывали многие актеры театра Анатолия Васильева, по какому-то причинам покинувшие его «Школу драматического искусства».

— Я могу их понять.

— Я часто ловлю себя на мысли, что, разговаривая с людьми, я мысленно беру у них интервью, то есть переношу свою профессию на повседневное существование. У вас бывает такое?

— У меня были периоды, когда я вдруг понимала, что жизнь разбираю, как пьесу. Я не раз ловила себя на мысли, что и на людей, которые меня окружают, и на их поведение я тоже иногда смотрю как на пьесу. Но это ощущение возникает только в страшной заматанности, когда спектакль на выпуске.

— Не успеваете перевести внутренний взгляд с мира сцены на мир жизненной реальности?

— Иногда не успеваю. Но не могу сказать, что такое происходит со мной постоянно.

— А за пределами театрального пространства — и в прямом и в переносном смысле — вы человек спокойный? Вы можете равнодушно взирать на себя со стороны, не осуществляя постоянного самоконтроля?

— Ну, я не думаю, что человека можно так вот обозначить парой слов, загнав его в какую-то формулу. Мне кажется, что никто по отношению к собственной жизни не может быть равнодушным. Кто же будет на себя поплевывать?

— Вы можете с полной уверенностью сказать, что вы вполне удовлетворены соб-

Мечтательная натура.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

ственным исполнением той или иной роли, что вы ее сделали целиком и полностью?

— Классное, должно быть, ощущение. Похоже, наверное, на то, когда ты достиг «седьмой степени самосозерцания». Роль «живет» до тех пор, пока в ней есть необъяснимые вещи, непонятные для актера, который ее делает. Когда приходит исчерпанность — это уже близко к концу.

— Как вы уходите от подобной исчерпанности?

— Главное — это понять, что ты крутишь велосипедные педали, а велосипед стоит. Если ты понял, что ты в «прокруте», — этого достаточно, чтобы начать искать выход из сложившейся ситуации.

— А выход возможен?

— Конечно.

— Значит, вы верите, что барон Мюнхгаузен вытащил себя за волосы?

— Да. Была, можно сказать, тому свидетельницей. Я примерно так же однажды и сделала. Мне было ужасно плохо, ну так плохо, что казалось, я утону, как в болоте. И вдруг в какой-то момент — я даже удивилась, откуда взялись силы, — но я взяла себя «за волосы» и вытащила из очень непростой ситуации.

— Так вы романтическая натура? Или я ошибаюсь и вы жестокая злая тетка?

— Во мне постоянно борется романтическая натура с прагматичной злой теткой. В результате остается романтическая злая тетка.

— Вы можете нахамить?

— Нахамить, наверное, нет, но конфликтные ситуации со мной случаются.

— Как вы считаете, конфликт — вещь плодотворная?

— Иногда да. Есть такие роли, когда надо взорваться, и ты как бы просыпаешься, начинают ра-

ботать нервные окончания — это такой психологический допинг.

— Дотошное самокопание — это необходимо? Или это не самое лучшее качество и человек должен уметь вовремя останавливаться и больше не копать?

— В этом вопросе лучше доверять чувствам, нежели разуму. И тогда жизнь станет намного легче.

— Вы на это способны, доверять больше чувствам?

— Мне кажется, что мне этого как раз не хватает.

— То есть вы существо более рациональное...

— (Смеется.) А с другой стороны, и так тоже не скажешь!

— Рационализм, как мне всегда казалось, не самый большой помощник в творчестве?

— Каждая творческая индивидуальность неповторима. А что касается актерского организма — это вообще темный лес.

— Жизненные неурядицы или наоборот влияют как-то на роль?

— Все влияет на все. Судьба актера проглядывает сквозь роль, но и роль меняет актера. Личность деформируется. То есть усиливаются какие-то качества, которые до этого были наименее заметны.

— И плохие качества?

— Да.

— Если человек играет убийцу, он может в конце концов пойти и убить?

— Нет. Это уже сумасшествие. Но если ты репетируешь какую-то роль, то ты подсознательно начинаешь культивировать в себе какие-то черты характера персонажа. Человек вроде бы и не меняется, но вместе с тем тень от этого образа обязательно появляется на нем. Я наблюдала это, и не раз.

— Вы закрытый человек?

— В результате все-таки да.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14